

практическими органами их разработкой должны заниматься все науки о борьбе с преступностью, в том числе и общая теория об этой борьбе.

Список литературы: 1. *Апресян Г. З.* Великий оратор революции. М., 1974. 2. *Ванеева Л. А.* Судебное познание в советском уголовном процессе. Владивосток, 1972. 3. *Гиргинов Г., Янков М.* Методология — как раздел гносеологии // *Вопр. философии.* 1973. № 8. 4. *Зеленецкий В. С.* Сущность познавательной деятельности в советском уголовном процессе // *Применение норм процессуального права.* Свердловск, 1977. 5. *Куприян А. П.* Методологические проблемы социального познания. М., 1971. 6. *Пэнто Р., Гравитц Н.* Методы социальных наук. М., 1972. 7. *Ракитов А. И.* Историческое познание. М., 1982. 8. *Шентулин А. П.* Диалектический метод познания М., 1983.

Поступила в редколлегию 17.07.88

Н. В. СИБИЛЕВА, канд. юрид. наук
Харьков

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В условиях ускорения НТП все большее значение приобретает задача более активного внедрения достижений науки и техники в повседневную практику органов предварительного расследования, прокуратуры и суда. Широкое использование специальных знаний в реализации задач социалистического правосудия способствует повышению эффективности предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел в борьбе с преступностью.

Система советского уголовно-процессуального права содержит ряд норм, регулирующих применение специальных знаний в деятельности органов предварительного расследования и суда. В теории уголовного процесса и криминалистики складывается комплексная отрасль научного знания, объект исследования которой — разработка процессуальных и нравственных критериев использования данных естественных и технических наук в уголовном судопроизводстве. Одной из процессуальных форм внедрения достижений НТП в судебно-следственную практику является использование по делу специальных знаний. Действующие УПК союзных республик применение специальных знаний связывают с разрешением вопросов, возникающих при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел, с назначением и производством экспертиз, с привлечением специалистов для участия в следственных и судебных действиях, с производством ревизий и иных проверок, с использованием следователями и судьями собственных специальных знаний. Вместе с тем в УПК союзных республик одно и то же понятие обозначается разными терминами — «знание» и «познание». Так, в ст. 75 УПК УССР,

ст. 76 УПК АзССР, ст. 70 УПК ГССР говорится о «специальных знаниях». По справедливому замечанию Г. М. Надгорного, указанный термин в большей мере согласуется с понятийным аппаратом современной гносеологии, различающим понятия «знание» (продукт общественно-трудовой и мыслительной деятельности) и «познание» (процесс отражения воспроизведения в человеческом мышлении действительности) [6, с. 21, 37].

Дискуссионным остается вопрос о характере специальных знаний следователя, судей и пределах их использования в процессе расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. Лица этих профессий наряду со знаниями в области различных отраслей права овладевают и определенной совокупностью знаний в области судебной медицины, бухгалтерского учета, криминалистики. Указанное обстоятельство привело В. И. Гончаренко к выводу о том, что знания в области криминалистики (юридической науки, органически объединяющей в себе юридические, естественнонаучные и технические элементы) не должны рассматриваться в уголовно-процессуальном смысле как специальные, поскольку знание криминалистики — необходимое условие надлежащего выполнения своих профессиональных обязанностей лицами, занимающими целый ряд юридических должностей [2, с. 115—116]. Противники этой точки зрения полагают, что следователям достаточно знаний в объеме, дающем представление о возможностях экспертных исследований и специалистов-криминалистов, привлекаемых к участию в следственных действиях, поскольку нельзя от следователя и судей требовать таких же глубоких знаний в области баллистики, трасологии, почерковедения и других отраслей криминалистических исследований, которыми обладают криминалисты отдельных профилей [4, с. 65—66]. Такой диаметрально противоположный подход к определению характера криминалистических знаний обусловлен, на наш взгляд, их неоднородностью, позволяющей при определенных условиях отнести некоторые из них к специальным в уголовно-процессуальном смысле. Вместе с тем следователи и судьи наряду с правовыми знаниями могут обладать определенной суммой знаний в области других отраслей науки. Данное обстоятельство в той или иной степени предопределяет возможность привлечения специалиста, особенно в случаях, когда необходимость назначения и производства экспертизы отсутствует. На основе этих знаний, с одной стороны, определяется конкретный вид судебной экспертизы, а с другой — осуществляется оценка достоверности выводов эксперта и мнения специалиста. Спорным является тезис о допустимости постановки перед экспертом вопросов правового характера. В данном случае предмет экспертизы — выяснение соответствия (несоответствия) определенных действий специальным правилам. В литературе преобладало мне-

ние о том, что эксперт не вправе давать заключения по правовым вопросам. На подобный подход ориентирует судебную практику и Верховный Суд СССР [7, с. 339].

Однако в последнее время начал утверждаться и иной взгляд на указанную проблему. Имеются в виду ситуации, когда вопрос об ответственности конкретного лица не может решаться изолированно от вопроса специального и в связи с этим правовой вопрос завершает заключение эксперта [7, с. 281—290]. Аналогичная тенденция характерна и для ряда исследований последних лет [3, с. 112; 1, с. 25].

Представляется, что подобный подход оправдан, поскольку отражает реальную закономерность расширения нормативно-правовой регламентации всех сфер государственного управления и хозяйственной деятельности.

Статья 16 Основ уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 69 УПК РСФСР, ч. 2 ст. 65 УПК УССР) не предусматривает такого доказательства, как показания эксперта или специалиста. Доказательством является заключение эксперта. Однако в законе (ст. 192, 289 УПК РСФСР, ст. 201, 311 УПК УССР) предусмотрено такое следственное действие, как допрос эксперта следователем и судом. Он производится для разъяснения либо дополнения заключения, данного экспертом, но его результаты самостоятельного доказательственного значения не имеют.

Процессуальная природа сведений, получаемых от специалистов, в законе не определена, а в литературе носит дискуссионный характер. Наименее всего исследован вопрос о процессуальной природе показаний специалиста, полученных в стадии судебного разбирательства. Это приводит к тому, что назначение экспертизы необоснованно заменяется допросом специалиста и наоборот — там, где достаточно пояснения специалиста, производится экспертиза.

Верховный Суд УССР в постановлении № 11 от 27 декабря 1985 г. «О соблюдении судами Украинской ССР процессуального законодательства, регламентирующего судебное разбирательство уголовных дел» разъяснил, что «специалист содействует суду в исследовании доказательств, обращает его внимание на характер обстоятельств, дает пояснение по поводу специальных вопросов, возникающих в судебном следствии, в пределах своей компетенции с разрешения суда участвует в допросах, может делать заявления» [10, 1986, № 4, с. 84—88].

Несколько иное толкование дано в Постановлении № 7 Пленума Верховного Суда РСФСР от 27 августа 1985 г. «О внесении изменений и дополнений в постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 17 сентября 1975 г. № 5 “О соблюдении судами РСФСР процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных дел”»: «Во всех случаях, когда для установления конкретных обстоятельств дела необходимы специальные знания в науке, технике, искусстве,

ремесле, следует решить вопрос, требуется ли проведение экспертизы или обстоятельства эти могут быть выяснены путем привлечения к участию в судебном разбирательстве соответствующего специалиста. Специалист приглашается для участия в судебном разбирательстве в тех случаях, когда суду либо участникам судебного разбирательства при исследовании доказательств могут потребоваться специальные знания и навыки» [8, 1985, № 12, с. 7].

Последняя позиция наиболее предпочтительна. Во-первых, Пленум Верховного Суда РСФСР не противопоставляет обе названные формы привлечения специальных знаний в уголовное судопроизводство, а, наоборот, подчеркивает их внутреннее единство. Выбор той или иной формы отдается на усмотрение суда (за исключением случаев обязательного назначения экспертизы). Во-вторых, подчеркивается, что как проведение экспертизы, так и привлечение специалиста имеют своей целью установление конкретных обстоятельств дела. Из сказанного следует вывод о том, что если данные обстоятельства могут быть установлены путем выяснения мнения специалиста, оно приобретает значение судебного доказательства.

Позиция Верховного Суда РСФСР подтверждает целесообразность дополнения ч. 2 ст. 16 Основ уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 69 УПК РСФСР, ч. 2 ст. 65 УПК УССР) указанием на то, что фактические данные, имеющие значение для дела, могут быть установлены и мнением (пояснением) специалиста.

На возможность установления одного и того же конкретного обстоятельства с помощью различных форм привлечения специальных знаний указывает и Верховный Суд УССР. Так, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда в определении по делу П. по обвинению по ст. 199, ч. 2 УПК УССР, возвращая дело на новое судебное разбирательство, указала, что если для решения вопроса о том, было ли строительство дома окончено, требуются специальные знания в области жилищного строительства, суд вправе вызвать и допросить специалистов, а при необходимости — назначить в соответствии со ст. 75 УПК УССР судебно-строительную экспертизу [9, 1985, № 51, с. 32—34].

В дальнейшем расширении нуждается сфера использования знаний специалиста на различных этапах уголовного судопроизводства. Уголовно-процессуальное законодательство УССР допускает возможность участия специалиста в любом следственном и судебном действии (ст. 128¹, ст. 270¹ УПК УССР). УПК РСФСР участие специалиста в производстве следственных действий разрешает лишь в случаях, особо оговоренных в законе, например, при допросе несовершеннолетнего свидетеля (ст. 159), при производстве выемки или обыска (ст. 170), что, безусловно, ограничивает использование специальных знаний при расследовании и рассмотрении уголовных дел.

Вовсе не отражена в законодательстве возможность использования специальных знаний в последующих стадиях уголовного судопроизводства, в частности, при рассмотрении дел в порядке кассационного и надзорного производства. Каково, например, процессуальное значение письменного мнения сведущего лица, предоставленного либо по требованию суда, либо по инициативе участников процесса. В п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда СССР «О судебной экспертизе по уголовным делам» разъяснено, что представленные материалы, в частности, мнение сведущего лица, не могут заменить заключения эксперта и служить основанием к изменению или отмене приговора с прекращением дела [7, с. 342]. Этим, по мнению Т. Г. Морщаковой, определяется значение, которое имеют содержащиеся в дополнительных материалах мнения сведущих лиц при пересмотре приговора и при повторном рассмотрении дела в суде первой инстанции после отмены приговора. Следовательно, на такие мнения сведущих лиц нельзя ссылаться как на доказательства [5, с. 118]. Вывод автора представляется недостаточно убедительным.

Пленум разъяснил, что письменные мнения сведущих лиц не могут заменить заключения эксперта и, таким образом, не могут быть основанием к изменению или отмене приговора с прекращением дела. Однако они могут служить основанием для отмены приговора и направления дела на новое расследование или новое рассмотрение. «Отсюда, — отмечают В. Д. Арсеньев и В. Г. Заблоцкий, — можно сделать вывод о том, что Пленум признает за этим мнением сведущих лиц доказательственное значение — иначе на их основе нельзя было бы допустить и отмены приговора» [1, с. 125]. Кроме того, проведение повторной экспертизы, уже при новом рассмотрении дела, не снижает доказательственного значения письменного мнения сведущего лица, ибо оно соответствует требованиям допустимости письменных документов в уголовном процессе. Наоборот, наличие последнего позволяет суду полно и всесторонне оценить достоверность выводов повторной экспертизы, исключить некритический подход к экспертному исследованию, гарантировать надежность результатов уголовно-процессуального доказывания.

Список литературы: 1. Арсеньев В. Д., Заблоцкий В. Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск, 1986. 2. Гончаренко В. И. Использование данных естественных и технических наук в уголовном судопроизводстве. К., 1980. 3. Карнеева Л. М., Кертэс И. Источники доказательств по советскому и венгерскому законодательству. М., 1985. 4. Махов В. И. Сущность и понятие специальных знаний в советском уголовном процессе // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1986. Вып. 44. 5. Морщакова Т. Г. Некоторые вопросы использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве // Комментарий судебной практики за 1985 г. М., 1986. 6. Надгорный Г. М. Гносеологические аспекты понятия «специальные знания» // Криминалистика и судебная экспертиза. К., 1980. 7. Сборник Постановлений Пленума Верхов-

Поступила в редколлегию 12.07.88

А. Н. ДЕНИСЮК, канд. юрид. наук
Киев

ОСНОВАНИЯ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ И ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Экспертиза по уголовным делам проводится в случаях, когда для установления обстоятельств, имеющих значение для дела, требуются специальные знания в любой сфере человеческой деятельности, исключая правовую. Одним из оснований назначения экспертизы является необходимость использования специальных медицинских знаний, в частности в области судебной медицины или психиатрии. Закон (ч. 2 ст. 196 УПК УССР) обязывает следователя указывать в постановлении основания для производства экспертизы. При решении вопроса о необходимости применения специальных медицинских (психиатрических) знаний следователь должен учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела, определять форму использования этих знаний. «Под необходимостью, — отмечает А. Р. Шляхов, — здесь понимается потребность решения вопросов посредством специальных познаний» [8, с. 62]. Законом не предусмотрены какие-либо ограничения в отношении вида назначаемой судебно-медицинской (психиатрической) экспертизы. Использование такого средства исследования, как судебно-медицинская экспертиза, важно и потому, что она предоставляет возможность получить данные, которые не всегда могут быть добыты из других источников доказательственной информации или вообще могут быть не получены. Учитывая трудность замены заключения эксперта другим источником доказательств или даже невозможность этого, законодатель установил основания, когда назначение судебно-медицинской экспертизы обязательно. Анализ ст. 76 УПК УССР, предусматривающей пять случаев обязательного назначения экспертизы, подтверждает их связь с использованием специальных знаний в области медицины и психиатрии.

Следует, однако, отметить, что в УПК союзных республик приведен неодинаковый перечень обязательного проведения судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертиз. Так, УПК УССР (п. 4 ст. 76), УПК БССР (п. 5 ст. 76), УПК УзССР (п. 5 ст. 67), УПК АрмССР (п. 4 ст. 68) предусматривают обязательное производство судебно-медицинской экспертизы для установления половой зрелости потерпевшей по делам о половых преступлениях, а в кодексах других союзных республик эти основания не указаны. В соответствии с п. 3 ст. 79 УПК